

УДК 101.1

DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-4-722-728

ФИЛОСОФИЯ И РУССКОЕ ЛЮБОМУДРИЕ**PHILOSOPHY AND RUSSIAN LOVE OF WISDOM****А.В. Лосев****A.V. Losev**

Россия, г. Москва

Moscow, Russia

E-mail: lavpsi@mail.ru

Аннотация

Русское любомудрие как синоним русской философии неразрывно связано с древнегреческим логосом. Нет русского любомудрия в чем-то отличного от греческой идеи философии. Идея философии, озвученная древними греками, до сих пор определяет подход и способ всякого философствования. «Особенности» русской философии не являются исключительно только ее особенностями, а присущи просто философии. Душевность и сердечность русского человека сосредотачивают мысль на определенных темах, преимущественно экзистенциального и нравственного характера. В сердце, как воплощении единства двух миров, соединяются в целое земное и небесное. Вызов философии по отношению к русскому любомудрию заключается в первичности самостоятельной мысли перед лицом культурной и философской традиций. Русская философия должна быть, прежде всего, опытом самостоятельной мысли, прорвавшейся к собственным основам жизни. Русской она останется для будущих историков философии, став еще одним музейным экспонатом в веренице народных опытов мысли, а философией она останется, если будет вдохновлять, привлекать, интересовать спустя столетия.

Abstract

Russian love of wisdom, as a synonym for Russian philosophy, is inextricably linked with the ancient Greek logos. There is no Russian love of wisdom in something different from the Greek idea of philosophy. The idea of philosophy, voiced by the ancient Greeks, still determines the approach and method of all philosophizing. The “features” of Russian philosophy are not exclusively its features, but simply inherent to philosophy. The sincerity and heartiness of a Russian person focuses his thought on certain topics, mainly of an existential and moral nature. In the heart, as the embodiment of the unity of two worlds, they unite into the whole earthly and heavenly. Russian philosophy is characterized, firstly, by the captivity of the ideas of an integral person, integral knowledge, an integral world, and secondly, the desire to go beyond not only everyday life, but also being, towards an unattainable and inexpressible. The challenge of philosophy in relation to Russian wisdom is the primacy of independent thought in the face of cultural and philosophical traditions. Russian philosophy should be, first of all, an experience of independent thought breaking through to its own foundations of life. It will remain Russian for future historians of philosophy, becoming yet another museum exhibit in a string of popular experiences of thought. And it will remain a philosophy simply if it inspires, attracts, interests after centuries.

Ключевые слова: философия, русская философия, русское любомудрие, сердечность русской философии, опыт самостоятельной мысли.

Keywords: philosophy, Russian philosophy, Russian love of wisdom, the cordiality of Russian philosophy, experience of independent thought.

*Русская философия должна стать просто философией.**В.П. Фетисов*

Русское любомудрие как синоним русской философии неразрывно связано с древнегреческим логосом. Нет русского любомудрия в чем-то отличного от греческой идеи философии. Русская мысль есть, а русской философии нет, потому что, когда русская мысль становится философией, то она становится просто философией. И это не умаление, а возвышение любой национальной мысли, в том числе русской, поскольку, начиная с национальных самосознания и самоощущения, мысль приходит к началам самой себя. Русская философия должна стать самостоятельной, найти основы собственной мысли.

С какого бы вопроса мы не начали, философское исследование обязательно приведет нас к истокам. Идея философии, озвученная древними греками, до сих пор определяет подход и способ всякого философствования. Словосочетание «русская философия» ничего не меняет, впрочем, как и формулирование «особенностей» русской философии. Потому что логос греческой философии делает философией любую национальную мысль, являясь для любой мысли руслом и колыбелью. Идея философии каждый раз возвращает нас к истокам и авторитетам древнегреческой философии.

Если всерьез рассуждать о самостоятельной русской философии, то должен быть предложен новый способ мышления или такой способ описать жизнь мысли, каким ее никто и никогда не описывал. Заново, по-иному увидеть мысль, иначе чем древние греки и вся последующая, связанная с ними традиция. Если такой способ найдется, то это не пройдет незамеченным. До тех пор усилия отдельных личностей значимы как вклад в возникновение русской философии в будущем, как подготовка почвы. В пределах нашей индивидуальной жизни мы вряд ли можем оценить и понять масштаб и значение сделанных нами усилий. Эпос русской мысли заключается в осознании себя проводником идеи русской философии – как просто философии, и почвой, которая взрастит в себе отдельные зерна философии, может быть, не произведя на свет русской философии, но поучаствовав в ее рождении, которое при этой жизни возможно и не удастся увидеть. Жить в неведении, когда это случится, и случится ли вообще. В надежде, что это произойдет в будущем. А пока этого не произошло, мы говорим о традиции русской мысли, которая осуществляется в русле древнегреческой идеи философии и всей проистекающей из нее традиции философствования.

Рассмотрим некоторые особенности русской мысли относительно самой идеи философии. Из часто упоминаемых особенностей – это этикоцентризм и литературоцентричность. Этикоцентризм присущ всякой философии, поскольку вслед за пониманием как устроен человек и мир возникает вопрос: как жить человеку в этом мире. Литературоцентричность присуща философии как один из способов выражения, и хотя философский поиск довлеет себе и не нуждается даже в проговаривании, текст дает голос и визуализацию мысли. «Особенности» русской философии не являются исключительно только ее особенностями, а присущи просто философии.

В русской философии, в отличие, например, от немецкой, нет полемической традиции мысли, тянущейся во времени от одного мыслителя к другому. Нет школ в европейском смысле этого слова, но есть преемственность, личные влияния и предпочтения. Это не значит, что достижения предшественников никак не используются, но начатые предшествующими мыслителями положения не развиваются их последователями. Русская мысль прерывиста, не доводит последовательно до конца исходные положения. Так же характерен тематический разброс, нет сосредоточенности мысли на чем-то одном, всестороннего и последовательного раскрытия темы. Скакание мысли приводит к отсутствию систематичности, несобранности, нежеланию нанизывать мысли-бусинки на одну идею-нить.

Пространственный характер русской философии выражается в наличии мыслителей, создавших уникальное пространство мысли, которое невозможно повторить, которому нельзя следовать, научиться. Это сродни поэзии. Можно только восхищаться, перечитывать,

цитировать. Русская мысль носит пространственный характер и в буквальном смысле этого слова. «Русский мыслит и чувствует не национально, а территориально, или, что тоже самое, телесно, т.е. державно» [Гиренок, 1998, с. 182]. Границей России является горизонт. Русский думает за весь мир. Но в отличие от экспансионистского Запада, который стремится поглотить и подчинить себе весь мир, Россия бессильно жертвенна и самозамкнута даже в своей экспансии. Русская экспансия – поле и воля. «Дали волю, еду по всему полю». Несобранность пространства сопряжена с несобранностью и скаканием мысли.

Самокритичность русского человека, доходящая до самобичевания и самоуничтожения, в личном, общественном и историческом планах, в мысли дает отсутствие положительных начал и принципов. От такой самокритичности есть как польза для русской философии, так и беда. Польза в том, что свое «я» отодвигаем и делаемся готовыми к философии. А беда в том, что собрать себя и свою мысль не можем, критиканствуя и саморазрушаясь. Противоречие в том, что сами себя, и свое мировоззрение, и свой образ жизни мы ставим мериллом для всего мира. И вместе с тем втаптываем себя в грязь, не любим, не ценим себя и своего.

Демагогичность и гомилетичность русской мысли выражается в стремлении более проповедовать, повествовать, нежели последовательно изучать, исследовать. Позиционируемая как этикоцентричная и религиозная русская философия часто остается таковой только на словах. За словом не следует поступков, соответствующих проповедуемым основаниям. «Созерцание (θεωρία) без делания (πράξις) есть дьявольское богословие. В русской религиозной философии много было теории, и, к сожалению, редко встречался праксис, то есть реальное изменение жизни человека. Вера требует, чтобы видение Божественного Мрака было неразрывно связано с поясным поклоном» [Прасолов, 2008]. Картичность, статичность русской мысли есть визуализация образа, который не может быть предметом для анализа, но должен быть принят на веру. Претендуя на то, чтобы в нее верили, русская философия часто не соответствует заявленной претензии на религиозность и этичность.

Душевность и сердечность русского человека сосредотачивают мысль на определенных темах преимущественно экзистенциального и нравственного характера. Справедливость, добро, душа, Бог. Все эти понятия связывают русскую философию с христианской традицией. «Для русской философии в качестве главного символа берется сердце. В сердце переплавляются оба мира... Сердце – источник совести как совмещения вестей от двух миров – земного и божественного... Сердечность русской философии проявляется в одинаковой преданности как страдающей реальности, так и торжествующему идеалу» [Фетисов, 2011, с. 510]. В сердце как воплощении единства двух миров соединяются в целое земное и небесное. Для русской философии характерны, во-первых, захваченность идеями цельного человека, цельного знания, цельного мира, пронизанных божественными энергиями, дающими цель, значение и смысл всякому стремлению, и во-вторых, жажда выйти за рамки не только быта, но и бытия, навстречу к Божественному Мраку, недостижимому и невыразимому.

Помимо концептуальных положений, есть ценностные основания и условия появления русской философии – каким должен быть философ и в какой в среде он появляется. Проблема заключается в социальной и научной разобщенности. Общество расколото на множество групп. Существуют, и вновь образуются многочисленные философские движения, организуются конференции и симпозиумы, но подавляющее большинство философов не находит себе выхода к сознанию современного человека. Отсутствует исследовательский интерес к русской философии, прежде всего, в самом философском сообществе. Исследования есть, а интереса нет. «О том, что философия в реальном смысле в России (т.е. как теоретическая рефлексия, реализующаяся в исследовательской деятельности, обращенной на объекты эпистемологического, онтологического и аксиологического предметных рядов) пока еще признания не получила, свидетельствует практически полное отсутствие публикаций по духовно-академической и университетской философии. При этом отсутствие в России системообразующих философов уровня Канта или Гегеля отнюдь не

означало отсутствия философии вообще» [Ганиянц, 2003, с. 3]. И в последние годы мало что меняется. Ни русская философия не вдохновляет русский ум, ни исследователей не увлекает русская философия. Философское разнообразие 90-х годов XX века в России расширило пространство русской мысли, способствовало появлению ряда талантливых и ярких философов, но не привело к появлению влиятельных школ или значительного философского течения в русской философии. Ситуация сродни столь ожидаемому в начале 90-х годов XX века «православному возрождению» в новой России. Внешнее возрождение состоялось, но православная повестка не стала актуальной.

Русская философия сегодня мало востребована в обществе и мало на что влияет. Философы не являются властителями дум. Даже в сфере личной жизни философия не оказывает решающего воздействия. Господствуют массовые установки. Доминируют эклектика и популизм. Философия не воспринимается как действующая сила, превращаясь в визионерство, демагогию или возможность заработка. В системе высшего образования многие кафедры философии давно уже потеряли свое имя в названии, проходя по ведомствам истории, русского языка, экономики. Но потребность в философии остается, поскольку всегда присутствуют фундаментальные вопросы, касающиеся человеческого существования. Философия коренится в самом существовании человека. Возникая в уме, который стремится к мудрости через умное созерцание, философия выражается не только в тексте, но и в поступке, свидетельстве жизни, освещенной ясным видением основ и смыслов.

Современная русская философия во многом живет прошлым. Несовременна не в смысле следования сиюминутным темам, а как способ понимания настоящего. Недостает осмысления момента. «Философское понимание» оказывается порой так далеко от действительности, что становится очередной искаженной картинкой жизни. «Русская философия появилась поздно, не превратилась в нечто связное и системное, быстро исчезла со сцены, сегодня почти никому не интересна, а все заинтересованные лица полностью удовлетворяются грубой и пошлой имитацией западной философии. То, что осталось от "русской философии" второй половины XIX и первой четверти XX веков, сумбурно, бессвязно, случайно и, более того, непонятно и не интересно» [Дугин, 2013, с. 29]. Русское любознательное не востребовано не только на Западе и Востоке, но и в самой России. Живем чужим умом, собственного не осознаем, восторгаясь блестящими достижениями других цивилизаций. Силимся оторваться от чужеумия, восхваляем русскую самобытность, которая оказывается на поверку либо копией образцов западной мысли, либо темным и запутанным размышлением о предмете, не ясном самому размышляющему.

Мир стремительно меняется. Возросшие объемы информации и высокая скорость происходящих процессов приводят к невозможности спрогнозировать развитие масштабных событий. Ответы на вызовы времени приобретают характер вынужденного реагирования на сложившиеся обстоятельства. «Совершенно изменился мир. Нет резких поворотов. Идет поток, он включает в себя всё, события, их оценку, попытки влияния. Этот поток настолько гигантский, из-за информационной тотальности, что в одночасье его русло изменить невозможно. Отсутствует интеллектуальный мейнстрим, который в прежние времена определял направление. Вспомните, еще относительно недавно Фукуяма написал про конец истории. С этим соглашались или нет, но был лейтмотив эпохи. Сейчас много чего выходит, но теряется – лейтмотива нет... экспертная и научная среда, которая "без гнева и пристрастия" должна осмысливать происходящее, сама находится в кризисе» [Лукиянов, 2018.]. Проблема в том, что философы сами обособляются, огораживаются профессиональной тематикой от насущных вопросов. Этому способствует узкоспециализированный подход, заимствованный философией у науки. Вместе с тем критика сциентизма в философии часто доходит до отрицания академизма, что сказывается на качестве самой философии.

Часто в разговоре о русской философии мы ходим вокруг да около. Определяя черты и особенности, классифицируя, о русской философии говорят как об объекте со стороны. Описательный характер такого разговора носит научный и популяризаторский характер, и не имеет отношения к собственно философии. Требуется самостоятельное мышле-

ние, чтобы состоялось событие мысли. «В то, что называется мышлением, мы попадаем, когда беремся думать сами. Чтобы подобная попытка удалась, мы должны быть готовы учиться мысли. Мы принимаемся за это учение, и это уже наше признание того, что мыслить мы еще не можем» [Хайдеггер, 2007, с. 34]. Философия может начинаться с осознания конечности индивидуального существования, невозможности выйти за временные рамки века. И эта ограничивающая сила действительности побуждает осознать значение понятий «предел» и «беспредельное». Философствование включает в себя не только понимание, но и принятие понимаемого, и предполагает не только мышление, но и принятие мыслимого для его понимания. Принятие включает в себя осознание тождества мыслящего и мыслимого и вместе с тем их различие. В принятии уже присутствует понимание, которое с принятия начинается. Мысль, продвигаясь подобным образом, обнаруживает себя в пространстве идей, осознает себя заключенной в эти идеи, ими объемлемой.

Философ начинает мысль, находясь на почве народного строя жизни, мировосприятия, языка, религии, культуры. Философская мысль рассматривает все это предельно обобщенно и начинается с непосредственного восприятия и принятия конкретной действительности, в которую заброшен человек в силу своего рождения. «Греческие философы были первичными философами в том смысле, что перед ними не было философии, они впервые философствовали. Им было легче слышать голос бытия. А начиная с XVII века люди привыкли слушать голос автономных индивидов, сознающих свои права и интересы, вступающих в общение, развязывающих совершенно свободную и автономную социальную деятельность и т.д. В этом смысле европейская культура стала носить психологический характер, который затемнил бытийные связи» [Мамардашвили, 2002, с. 165]. Вызов философии по отношению к русскому любомудрию заключается в первичности самостоятельной мысли перед лицом культурной и философской традиций.

Россия как предмет русской философии задает направление мысли и тематику исследований. «Греки говорили и своими разговорами вытаскивали из себя весь мир. Его суть. Мы говорим и ничего, кроме России, вытащить из себя не можем» [Гиренок, 2008, с. 33]. Предельное обобщение в самоназвании – Русь, Россия, русское. И в качестве производных: русский народ, русский язык, русская история, русский дух, русская душа, русский характер, русская былина (миф) и т.д. Русское самосознание, осуществляемое средствами русской мысли и в пространстве названных предельных понятий, обнаруживает и выражает себя в темах, понятиях и образах, присущих ему в силу его существования.

Самостоятельное мышление не означает отсутствие влияний и заимствований. Школа мысли в лице многотысячелетней традиции философствования является необходимым условием для рождения русской философии. Во многих случаях попытки построения систематической философии в России остаются несистематической подготовкой почвы для русской философии. «Три кардинальных условия русской философии, узловые моменты философской программы по рождению русского Логоса: 1) понять Запад и его Логос; 2) понять структуру и природу предлогической, пралогической стихии русского мышления; 3) отважиться на утверждение самобытного и в корне отличного от западного способа русского философствования» [Дугин, 2013, с. 33]. И если с пониманием западного логоса дела обстоят хорошо, то собственное мыслетворчество значительно зависимо от внешних влияний. Очень ярко эта зависимость отражается в истории России, переломах, революциях, метаниях. Слабость русского самосознания и незавершенность русской мысли приводят к разрывам в мыслях, словах и поступках как на индивидуальном уровне, так и на уровне поведения элит и народа в истории.

Единственное, что есть у нас, и не было у древних греков – Богочеловек. Бог не в пространстве, не «здесь» и не «там», а «днесь», теперь, сейчас. Были Боги, человекобоги, люди. Но не было Богочеловека. Не стесняясь, и не оглядываясь ни на кого, греки говорили о богах и о себе. Мыслили без оглядки. Что нужно, чтобы состоялась русская философия? Какие школы пройти, какую историю пережить, какие дары стяжать, чтобы «черпать из источников самого разума»? [Кант, 1994, с. 6] Можно ли совладать с восторгом духа,

осмыслить его? Когда-то не было русских, и, возможно, когда-то нас не будет. Что останется, какие образцы, образы, идеи? Останется ли возбуждающее мысль впечатление, сложится ли захватывающее дух славословие? Или мы Спарта, славная своими победами, но немощная умом? Кшатрии, оставляющие после себя только героические поступки и пренебрегающие собой ради жизни рода? Хватит ли ума для священнодействия смысла?

Вызов, перед которым стоит русская философия, заключается во всеохватности и полноте, которые должна явить мысль. Русский человек находит в России все для своей жизни. Русский дух находит в православии все потребное для себя. Русский ум должен найти все необходимое для себя в пространстве русской философии. Найти себя в русской философии. Обрести полноту жизни ума. Русская философия должна стать всем для русского ума, наполнить, вдохновить, увлечь его.

Русская философия должна быть, прежде всего, опытом самостоятельной мысли, прорвавшейся к собственным основам жизни. Русской она останется для будущих историков философии, став еще одним музейным экспонатом в веренице народных опытов мысли. А философией она останется, если будет вдохновлять, привлекать, интересовать спустя столетия.

Список литературы

1. Ганиянц М.В. 2003. Российское любомудрие первой половины XIX века: философия и история философии в университетах и духовных академиях. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 215 с.
2. Гиренок Ф.И. 1998. Патология русского ума. Картография дословности. М., Аграф, 418 с.
3. Гиренок Ф.И. 2008. Удовольствие мыслить иначе. М., Академический Проект, 235 с.
4. Дугин А.Г. 2013. В поисках темного Логоса (философско-богословские очерки). М., Академический проект, 515 с.
5. Кант И. 1994. Сочинения. В 8-ми т. Т. 4. М., Чоро, 630 с.
6. Лукьянов Ф.А. 2018. Мир не рушится, он осыпается. URL: https://ria.ru/20181012/1530505549.html?fbclid=IwAR11z3HD6x15FwEeC15OAPLLO-fl_TKziKL87ioVND SXO-eDR1pYCLA7fGw (дата обращения: 15.09.2019).
7. Мамардашвили М.К. 2002. Философские чтения. СПб., Азбука-классика, 832 с.
8. Прасолов М.А. 2008. Доклад кандидата философских наук, доцента РГПУ им. А.И. Герцена Михаила Алексеевича Прасолова. URL: <http://philosophy.spbu.ru/5872> (дата обращения: 15.09.2019).
9. Фетисов В.П. 2011. Солнце не заходит. Труды по нравственной философии. Воронеж, 518 с.
10. Хайдеггер М. 2007. Что зовется мышлением? М., Академический Проект, 351 с.

References

1. Ganiyanc M.V. 2003. Rossijskoe lyubomudrie pervoj poloviny XIX veka: filosofiya i istoriya filosofii v universitetax i duhovnyx akademiyax [Russian love of wisdom of the First Half of the 19th Century: Philosophy and History of Philosophy at Universities and Theological Academies]. Diss. ... cand. hist. sciences. Moscow, 215 p.
2. Girenok F.I. 1998. Patologija russkogo uma. Kartografija doslovnosti [Pathology of the Russian mind. Literacy mapping]. Moscow, Publ. Agraf, 418 p.
3. Girenok F.I. 2008. Udovol'stvie myslit' inache [The pleasure of thinking differently]. Moscow, Publ. Akademicheskij Proekt, 235 p.
4. Dugin A.G. 2013. V poiskah temnogo Logosa (filosofsko-bogoslovskie ocherki) [In search of the dark Logos (philosophical and theological essays)]. Moscow, Publ. Akademicheskij proekt, 515 p.
5. Kant I. 1994. Sochinenija. [Works]. In 8 vols. Vol. 4. Moscow, Publ. Choro, 630 p.
6. Luk'janov F.A. 2018. Mir ne rushitsja, on osypaetsja [The world does not collapse, it crumbles]. Available at: https://ria.ru/20181012/1530505549.html?fbclid=IwAR11z3HD6x15FwEeC15OAPLLO-fl_TKziKL87ioVND SXO-eDR1pYCLA7fGw (accessed: 15 September 2019).

7. Mamardashvili M.K. 2002. *Filosofskie chteniya* [Philosophical Readings]. Saint Petersburg, Publ. Azbuka-klassika, 832 p.

8. Prasolov M.A. 2008. *Doklad kandidata filosofskix nauk, docenta RGPU im. A.I. Gercena Mixaila Alekseevicha Prasolova* [Report Candidate of Philosophy, Associate Professor of Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen Mikhail Alekseevich Prasolov]. Available at: <http://philosophy.spbu.ru/5872> (accessed: 15 September 2019).

9. Fetisov V.P. 2011. *Solnce ne zachodit. Trudy po npravstvennoj filosofii* [The sun does set. Works of moral philosophy]. Voronezh, 518 p.

10. Хайдеггер М. 2007. *Что зовetsyа myshleniem?* [What is called thinking?]. Moscow, Publ. Akademicheskij Proekt, 351 p.

Ссылка для цитирования статьи

For citation

Лосев А.В. 2019. Философия и русское любомудрие. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право.* 44 (4): 722–728. DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-4-722-728

Losev A.V. 2019. Philosophy and russian love of wisdom. *Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law series.* 44 (4): 722–728 (in Russian). DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-4-722-728